
«СТАТУС» ИНСТИТУТА СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ*

И.В. Троцук, А.Д. Парамонова**

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

В последние годы в научном сообществе и в средствах массовой информации не утихают дискуссии о том, насколько радикально меняется сегодня структура, функции и роль семьи. Позиции здесь весьма полярны и даже непримиримы — от вполне идеалистичного восприятия семьи в социально-конструктивистском духе (как результата договоренностей людей, которые могут быть ничем не связаны в традиционном смысле — биологического или юридического родства), т.е. утверждается извечность семьи, пока есть люди и какие-то формы социальности, до крайне алармистских высказываний о кризисе семьи в настоящем и грядущем ее исчезновении в не столь отдаленном будущем в силу утраты основополагающих функций как базового социального института. Авторы признают обоснованность аргументов обеих сторон, но вводят уточнение: самые пессимистические оценки и прогнозы будущего семьи в большей степени сконцентрированы на теоретическом уровне научных изысканий, посвященных семье как прежде всего социальному институту, тогда как при переходе на уровень эмпирических исследований, где люди отвечают на конкретные вопросы о собственной жизни, нынешние социальные реалии не предстают радикально кризисными с семейно-ценностной точки зрения и в принципе подтверждают как трансформацию представлений о должном, возможном и желаемом в семейной жизни, так и сохранение множества традиционных паттернов. Данное условное разведение теоретического и эмпирического уровней с точки зрения акцентов в социологическом изучении семьи и представлено в статье: сначала авторы обозначают основные траектории концептуальных поисков по семейной проблематике в историографическом и оценочном ключе, а затем презентуют результаты опросов студенческой молодежи столичных вузов России, Казахстана и Чехии, подтверждающие, с одной стороны, воспроизводство в молодежном мировоззрении вполне традиционных представлений о должном и важном в жизни человека (семья выступает безусловным приоритетом); с другой стороны, амбивалентность российского молодежного самосознания, в котором бесконфликтно сочетаются и патриархальные, и эгоцентричные ценности.

Ключевые слова: семья; брак; ценностные ориентации; молодежь; студенчество; сравнительные проекты (Россия, Казахстан, Чехия); концептуальные подходы; эмпирические исследования

Вряд ли в современном мире есть понятие столь же важное, сколь и дискуссионное, как семья в самом широком смысле слова — как супружеские, родительские, дружественные и прочие отношения.

На протяжении многих десятилетий ученые, публицисты, журналисты, да и все мы в повседневной жизни постоянно ведем споры о том, какой должна быть семья по своему составу, распределению ролей, внутренним отношениям и критериям родства, и точки зрения здесь весьма полярны — от вполне идеалистичного восприятия семьи в социально-конструктивистском смысле (как результата договоренностей людей, которые могут быть не связаны ни биологическим, ни юридическим родством) до алармистских суждений о кризисе или исчезновении семьи в современном мире в силу утраты основополагающих функций базового социального института, выполняемых в прежних типах общественных систем.

---

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант №15-03-00573.

** © И.В. Троцук, А.Д. Парамонова, 2016.

Признавая в какой-то мере бесспорность аргументов представителей обеих позиций, следует все же уточнить, что самые пессимистические оценки и прогнозы сконцентрированы на теоретическом уровне научных изысканий, посвященных семье как прежде всего социальному институту, тогда как при переходе на уровень эмпирических исследований, где люди отвечают на конкретные вопросы о родительской и собственной семье, нынешние социальные реалии не предстают радикально кризисными и свидетельствуют о воспроизводстве множества традиционных паттернов даже у самых молодых поколений. Безусловно, указанное разведение теоретического и эмпирического уровней в социологических исследованиях носит условный характер, поэтому поясним, что имеется в виду, обозначив сначала основные траектории концептуальных поисков по семейной проблематике, а затем представив результаты ряда эмпирических проектов, реализованных Социологической лабораторией Российского университета дружбы народов в сотрудничестве с нашими чешскими и казахстанскими коллегами.

Бесспорно, на протяжении всей социальной истории семья играла принципиально важную роль в жизни каждого человека и различных групп и сообществ. Социальные антропологи определяют семью как исторически базовый социальный институт, возникший примерно 500 тысяч лет назад и постепенно эволюционировавший к своим современным формам (полигамия, полиандрия, моногамия и т.д.), хотя и до «изобретения» семьи люди жили вместе, производили потомство, вели совместную деятельность в определенной системе эмоциональных связей. И хотя «та» протосемья существенно отличается от привычного нам образа семьи, отрицать факт наличия в ней неких семейных отношений вследствие кровно-биологических связей «родитель—ребенок» нельзя. Современная семья понимается как «основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [23. С. 562], поэтому зарождение научного анализа семьи и брака датируется работами древнегреческих философов Платона и Аристотеля, которые предложили «патриархальную» трактовку семьи (как микромоделю патриархального общества), доминировавшую до середины XIX в.

Впрочем, взгляды Платона и Аристотеля на семью различались: по Платону, каждый брак должен быть полезен для государства, общественное благо важнее личного, поэтому правители не должны иметь семью — члены двух высших сословий (правители и стражи) в его модели общества должны формировать единую правящую семью: «...Все жены мужей (стражей) должны быть общими... Дети тоже должны быть общими, и пусть отец не знает, какой ребенок его, а ребенок — кто его отец» [33]. Для Аристотеля же семья — первооснова общества и государства, внеисторическое явление, неизменное на протяжении истории человечества, поскольку ее основная функция — репродуктивная — «оставить после себя другое подобное себе существо» [2], т.е. государство — это разросшийся союз семей, а государственная власть — естественное продолжение патриархально-монархической власти главы семьи (мужчины).

В Новое время философы выделили как положительные (семья как школа человечности, воспитывающая стремление к добродетельным поступкам) [27. С. 29];

«...лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов... человек обыкновенно способен передавать детям свои познания» [31]), так и отрицательные (например, пагубное влияние дисбаланса семейного и социального на патриотическое воспитание) стороны семейной жизни, но в целом полагали, что «наилучшие начинания, принесшие наилучшую пользу обществу, исходили от неженатых и бездетных людей»; «тот, у кого есть жена и дети, отдал заложников судьбе, ибо семья является помехой на пути свершения великих предприятий как добродетельных, так и злонамеренных» [10].

Во второй половине XVII — XVIII вв. семья оказалась в центре внимания философов-просветителей. Так, для Т. Гоббса семья — «маленькая монархия», где суверенитет принадлежит отцу (господину), и оплот целомудрия, если основана на законном браке (хотя в обществе витала идея, что целомудренно может быть лишь безбрачие) [17].

Д. Юм раскритиковал многоженство и добровольные разводы как влекущие негодное воспитание детей и плохое отношение к женщине, и призывал мужчин к разуму: «состояние возлюбленного полностью исключается... женщины покупаются и продаются, как животные, ревность исключает приятельские отношения мужчин друг с другом» [47]. Развод допустим, если «союз мужчины и женщины порождает только отвращение и антипатию», ибо идеальная форма семьи — «взаимный союз мужчины и женщины, который основывается на любви и заботе».

Ж.-Ж. Руссо связывал благополучие семьи с соблюдением нравственных норм мужем и женой, но отвергал идею равенства полов, утверждая господство мужа: «женщина должна быть добродетельной в глазах всех и каждого... в ней больше святого... от этого зависит любовь ее мужа» [35].

Взгляды И. Канта на брак и семью противоречивы: с одной стороны, он говорил о равноправии супругов, с другой — оправдывал господство мужа, ибо «мужчина опирается на право более сильного — быть в доме повелителем, в грубом, естественном состоянии» [24].

И.Г. Фихте верил в разумность брака, что «нет брака без любви и нет любви без брака», и видел различие полов в том, что мужчина обретает знания через разум, а женщина — источник любви; мужчина не способен к любви — его натура определяется великодушием. Основной причиной расторжения браков Фихте считал измену жены; измена мужа — не основание для развода, «ибо жена может простить неверность мужа, и достойная, благородная именно так и поступит» [1].

Г.В.Ф. Гегель разделял идею Аристотеля, что семья — исходный элемент общества: в своем развитии оно проходит три ступени, и первая из них — «семья» (потом «гражданское общество» и «государство»), поэтому семья — «ячейка сохранения и укрепления частной собственности, которая выступает неперенным условием становления цивилизованного общества» [14].

Согласно Ф. Энгельсу, семья и производство — два основополагающих фактора в развитии общества, а моногамия — первый тип семьи, базирующийся не на естественных, а на экономических предпосылках. Впрочем, пожизненное единобрачие — фактор как прогресса, так и регресса: благосостояние одних достигается ценой страданий и подавления других [46].

Таким образом, философию семья интересует как важнейший элемент общественной структуры, фактор социального развития и сфера самореализации человека, связанная с решением таких экзистенциальных вопросов, как поиск смысла жизни, любви, красоты, баланса добра и зла и т.п.

Иные акценты характерны для демографического изучения семьи [12. С. 3]: интерес к семейно-брачным отношениям объясняется здесь тем, что их диагностика позволяет оценить эффективность и разработать меры социальной помощи семье, показав сильные и слабые стороны государственной политики. Пик подобных исследований пришелся на конец 1960-х гг., которые ознаменовали завершение институционализации демографической науки, в том числе в ее эмпирической части, снижение рождаемости, что потребовало изучения его причин и последствий, а также серьезные общественные трансформации, затронувшие и современную семью. Например, социально-экономическая ситуация 1990-х гг. породила в России острый демографический кризис, зафиксированный множеством статистико-демографических исследований [5], хотя нередко в них отсутствуют данные о мотивационно-ценностной подоплеке изменений в демографическом поведении под влиянием социально-экономических и политических реформ [30], т.е. «зная довольно много о закономерностях демографического перехода, мы упускаем уникальную возможность изучения демографических процессов в переходном обществе» [37].

В экономической трактовке семьи можно выделить традиционную и новую теории: «новая экономическая теория» анализирует не только рыночное поведение, но и внерыночные явления (рождаемость, получение детьми образовательных услуг, распределение времени в семье и т.д.) [34. С. 50].

Экономисты разводят «семью» и «домашнее хозяйство»: семья — группа людей, объединенная общностью семейно-родственных связей, которые необязательно проживают под одной крышей и имеют общий бюджет; домашнее хозяйство — группа людей, объединенная общим местом проживания, бюджетом и, как правило, семейно-родственными связями [32]. Экономические исследования могут фокусироваться на социально-демографических аспектах (число детей, стоимость их обучения, воспитания и т.д.), социально-психологических (внутрисемейные экономические отношения), социально-экономических (влияние статуса семьи на ее экономическое положение) или функционально-поведенческих (экономическое поведение семьи и влияние на него общественных трансформаций и т.д.).

Домохозяйство может исследоваться на двух уровнях [32]: микроэкономическом — как особая единица (экономическая активность, состояние и потенциал, доходно-имущественные характеристики, экономические отношения внутри домохозяйств) и макроэкономическом — как совокупность экономических единиц (экономические интересы, доходы домохозяйств, потребление, взаимоотношения с государством и т.д.).

В теории права семья — «круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание» [45], причем семья и ее члены могут быть и индивидуальными, и коллективными субъектами права [28. С. 62].

В принципе в юридической науке не сложилось однозначного восприятия субъектности семьи в силу наличия множества ее трактовок, тем не менее, обычно речь идет не о семье целиком, а об отдельных ее членах, семейный «статус» которых порождает дополнительные права и обязанности.

Как ни странно это прозвучит, но схожим образом семью воспринимает и психология, хотя одни авторы уверены, что семья — это прежде всего малая группа, а другие изучают семью как особую социальную систему, однако в обоих случаях акцент делается на эмоциональных отношениях, сфере межличностного общения (социальные роли, восприятие друг друга и т.д.). В свою очередь, близка психологической трактовке семьи и педагогика, поскольку видит в семье главного агента социализации, особенно на ранних этапах социального становления личности [42. С. 241].

Вероятно, наиболее близок социологическому анализу семейно-брачной сферы этнографический подход, хотя этнографов в первую очередь интересуют архаические формы семьи — с позиций воспроизводства структуры и особенностей семейно-брачных отношений, в том числе семейного быта, и сохранения семьи как ячейки общества в любой исторический период [7. С. 16].

Тем не менее, невзирая на степень близости/дальности с социологической трактовкой семьи и разнообразие тематических акцентов, все теоретические подходы подчеркивают «статус» семьи как одной из самых важных и сложных подсистем общества. Поэтому ее трансформации, влекущие отход от неких традиционных идеалов, нередко воспринимаются в научном и публицистическом дискурсах как кризис семьи с непредсказуемо трагичными последствиями, масштабы которых, впрочем, зависят от множества обстоятельств: странового и административно-территориального фактора (город/село), уровня жизни социально-демографической группы, образовательных и национальных различий и пр.

В истории социальной науки трансформации семьи как важнейшего социального института и/или малой группы оценивались по-разному. Так, Л. Морган критиковал патриархальную теорию за трактовку моногамной семьи как основной ячейки общества, утверждая, что в своем историческом развитии семья прошла следующие стадии: кровнородственная семья основана на групповом браке между родственниками; пуналуальная — групповой брак сестер, родных и коллатеральных, с мужьями каждой из них; синдиасмическая (парная) — брак отдельных пар без исключительного сожительства; патриархальная — брак одного мужчины с несколькими женщинами; моногамная — вступление в брак отдельной пары раз и на всю жизнь [19. С. 11—12].

Историческую эволюцию форм семьи Ф. Энгельс связывал с определяющими факторами истории — производством и воспроизводством средств выживания и самого человека, поэтому выделял три стадии развития человечества, каждой из которых соответствует свой тип брака: «дикости» — групповой брак, «варварству» — парный, «цивилизации» — моногамия [46].

М.М. Ковалевский подтвердил гипотезу о схожем исходном состоянии семьи у цивилизованных народов и дикарей этнографическими данными: большинство

народов начали свой исторический путь не с матриархата, а с материнского родоисчисления [19. С.28].

Ф. Ле Пле считал семью основой государства и выделил несколько ее типов — патриархальный, неустойчивый и устойчивый/коренной, исходя из принципа передачи имущества по наследству: в патриархальной семье вся собственность передавалась одному сыну по завещанию, в неустойчивой все сыновья получали равные доли отцовского имущества, в устойчивой наследство передавалось тому сыну, который продолжал профессию отца [19. С. 35].

Б. Малиновский считал патриархальную семью единицей любого простого общества: со временем семья меняется, но сохраняет свой фундамент — взаимоотношения «родители—дети», поскольку они отвечают за культурное развитие и межпоколенческую передачу традиций [19. С. 38].

Противоположной — эволюционной — точки зрения придерживался П.А. Сорокин, будучи убежден, что формы семьи и брака изменялись в прошлом и будут изменяться в будущем: первоначально трансформации семьи порождались нормативными ограничениями и контролем сексуальности, сегодня — социокультурными факторами, определяющими рост удельного веса разводов, уменьшение числа браков и детей в семье, эмансипацию женщин и изменение роли религии (брак стал светским) [19. С. 42, 45].

Таким образом, даже столь краткий исторический экскурс показывает многообразие точек зрения на институт семьи и его функционирование. Однако институциональную интерпретацию семьи следует признать в социологии преобладающей над групповой (семья как малая группа).

В изучении семьи как социального института социологи акцентируют внимание на образцах мужского и женского поведения, ролевом репертуаре разных типов семей, особенностях формальных и неформальных норм и санкций, моделях сексуального поведения и т.д., тогда как в рамках группового подхода семья выступает как малое сообщество. Важность социального института семьи определяется реализуемыми им функциями [22. С. 40—41]: удовлетворение потребности в детях и «воспроизводство новых членов общества» [40. С. 187]; удовлетворение сексуальных потребностей супругов и запросов общества на сексуальный контроль; социализация молодого поколения, культурное воспроизводство общества; передача социального статуса и тем самым воспроизводство социальной структуры; поддержание физического здоровья членов общества, уход за детьми и престарелыми; экономическая поддержка несовершеннолетних и нетрудоспособных; моральная регламентация поведения и духовное обогащение; организация рационального досуга; психологическая защита и эмоциональная поддержка членов семьи.

«Качество» выполнения семьей своих функций зависит от целого ряда факторов, начиная с внешних — социального окружения — и заканчивая психологической обстановкой внутри семьи, однако немаловажную роль играет и форма брака — по сути, некая общественная санкция, задающая формат семейных отношений [41. С. 17].

Несомненно, брак в этом смысле претерпевает изменения вместе с обществом, которое посредством брака упорядочивает и санкционирует права и обязанности людей в рамках семьи — супружеские, родительские и пр. Так, сегодня браки возможны между людьми одного пола [15. С. 601—602], в ряде обществ разрешены полигамные браки и т.д. В целом можно выделить следующие виды современных браков [16]: официально зарегистрированный в государственных органах; консенсуальный — незарегистрированный по обоюдному согласию; религиозный (церковный) — совершенный по религиозным обрядам и освященный церковью; однополый; фиктивный — мнимый, выдаваемый за действительный [25. С. 105—106]). Это все моногамные союзы двух людей, но возможны и союзы между одним мужчиной и несколькими женщинами — полигиния (разрешена в некоторых государствах исламского мира и ряде немусульманских стран Африки [48]), полиандрия — когда одна женщина имеет несколько мужей (например, у народов Тибета и Гавайских островов), полигинандрия — групповой брак, объединяющий двух или более мужчин и двух или более женщин [38. С. 119]. Также существуют «неполные семьи», «материнские семьи», «повторные браки», «семьи с неродными родителями», «браки с раздельным проживанием супругов», конкубинат (сожительство мужчины и женщины без заключения брака), суаньянтаж (союз замужней женщины с холостым мужчиной, приводящий к рождению ребенка) [18. С. 117].

В современном мире расширился «репертуар» не только видов брака, но и отношений внутри семьи. Так, если в России в конце XIX в. основной задачей мужчины считалось обеспечение дома, женщины — рождение и воспитание детей (в браке крестьянка рожала 8—10 детей), и огромную роль в жизни семьи играла православная церковь, которая задавала ее нравственные императивы [29. С. 132], то сегодня в семье женщина не только занимается домашними делами, рождает и воспитывает детей, но и, как ее муж, работает, строит карьеру, нередко бывает основным «добытчиком»; в целом в развитых обществах снизилась роль религии и традиционных семейных ценностей [20. С. 29].

«Материальный достаток, мотивация на карьеру как мужчин, так и женщин, удлинение сроков образования, повышение эффективности контрацепции, а значит, и планирование рождаемости — все это снизило значимость взаимоотношений родителей и детей. Тому же, впрочем, способствует и передача основной части забот о подрастающем поколении внесемейным воспитателям: ребенок проводит большую часть года в школе, а лета — в лагере» [18. С. 110].

Все это способствует пространственному и эмоциональному отдалению людей и порождает кризис семьи, о котором писал еще П.А. Сорокин. Одно из его проявлений — модель «семья-клуб»: супруги не претендуют на великую любовь, а ищут доброго согласия, балансируют между фрустрацией и удовольствием и все решения принимают в ходе переговоров; ребенок здесь — партнер, обладающий определенными правами, но от которого ждут «воздаяния»; семья существует лишь до тех пор, пока один из супругов не нарушит лежащий в ее основе контракт, однако и разрыв не воспринимается как крах — это возможность, преду-

смотренная условиями контракта, поэтому нет разницы — зарегистрированный брак или «свободный союз» [18. С. 111].

Помимо форм брака изменились и факторы, влияющие на решение вступить в брак: прежде значимую роль играли социальный статус, религиозная принадлежность, материальное положение и т.д., сейчас нарастает тенденция к заключению брака «по любви», без ограничений по признаку расы, национальности или религии [13]. Свидетельство тому — повсеместное нарастание масштабов межнациональной (смешанной) брачности: так, только в США в 2010 г. по сравнению с 1980 годом межнациональных браков стало на 14,6% больше, а межрасовых — на 12,8% [11] (и это лишь официально зарегистрированные браки).

Многообразие трансформаций, переживаемых современной семьей, привело к тому, что в научном и публицистическом дискурсах сегодня доминируют не ответы и оценки, а вопросы о будущем семьи. Одни ученые убеждены, что процессы, происходящие в современном мире, приведут институт семьи к полному краху; другие, наоборот, видят в них предвестников очередной трансформации форм семьи и брака. Как правило, в качестве аргумента представители второй точки зрения прибегают к данным опросов общественного мнения, согласно которым, несмотря на разнообразие реальных воплощений брачно-семейных моделей, представления людей о нужном, важном и должном в этой сфере остаются весьма традиционными. Так, в 2015 г. каждый второй россиянин считал идеальным возрастом вступления в брак 18—24 года, каждый третий — 25—29 лет [21]; мотивы вступления в брак: «чтобы были дети, продолжился род» (60%), «чтобы рядом был человек, который тебя поймет и поддержит в любой жизненной ситуации» (43%), «чтобы был уютный дом, благоустроенный быт» (38%), «чтобы чувствовать себя нужным кому-то, иметь возможность о ком-то заботиться» (36%), «чтобы не расставаться с любимым человеком» (31%) [6].

Модель семьи, в которой мужчина играет роль добытчика и кормильца, а женщина — домохозяйки, хранительницы очага, не утрачивает популярности: большинство поколений считают ее идеальной и стремятся воплотить в собственной жизни [8]. Семья считается одной из главных ценностей в жизни — «с большим отрывом лидирует среди самых значимых для россиян понятий» [42]: за четверть века «значимость всех жизненных целей возросла, однако главными по-прежнему остаются семья, дети и здоровье» — подавляющее большинство (свыше 90% россиян) считает своими первостепенными жизненными задачами создание семьи (94%), воспитание детей и обеспечение их будущего [44].

Несомненно, столь важное значение семьи не является специфической особенностью российского общества, о чем свидетельствуют результаты опросов, реализованных на выборках студенчества трех столиц — России, Чехии и Казахстана — в 2015 г. (в каждом городе было опрошено около 900 человек, основным критерием отбора респондентов был «статус» студента столичного вуза и гражданство страны, поэтому в Москве выборка состояла из студентов разных столичных вузов и квотировалась по профилям обучения — социально-гуманитарные специальности, естественнонаучные и технические, а в Астане и Праге — из студентов главного вуза страны).

Понимая ограничения подобного сравнительного проекта и кросскультурных исследований в принципе (несмотря на более чем вековую историю и богатый арсенал методических решений в рамках количественного и качественного подходов, здесь остается множество нерешенных вопросов, касающихся обеспечения эквивалентности данных [см.: 39; 49; 50]), с учетом корректного перевода инструментария и достижения социологическим сообществом консенсуса относительно «алгоритма» согласования процедур сбора, обработки, анализа и презентации данных сравнительных исследований, вполне можно говорить о сопоставимости полученных данных для характеристики мировоззренческих доминант студенческой молодежи трех стран.

В рамках проекта было использовано две анкеты: «Ценностные ориентации студенчества» с соответствующим тематическим блоком по семейно-брачной проблематике и «Страхи, надежды и опасения современного студента», где таковая была введена в закрытия ряда вопросов.

Будучи ограничены размерами статьи, мы не будем останавливаться на принципиальных социально-экономических, политических, социокультурных и прочих различиях трех обществ — российского, казахстанского и чешского, тем более что они достаточно очевидны для любого читателя, пусть и на уровне медийно заданных социальных стереотипов. Иными словами, даже на уровне здравого смысла понятно, что речь идет о трех очень разных по образу жизни общественных системах, поэтому совпадение ценностных доминант студенческих когорт будет свидетельствовать об устойчивости семейных ценностей в современном обществе, несмотря на пессимистические констатации кризиса семьи и алармистские прогнозы о ее грядущем крахе как базового социального института.

Итак, представления и реалии российской молодежи в семейно-брачной сфере оказались ближе чешской, а не казахстанской ситуации. Так, все время росли в семье с обоими родителями по 62% российских и чешских респондентов и 84% казахстанских; часть детства/юности провели в семье с одним родителем 23% российских студентов, 32% чешских и 8% казахстанских, все время росли в семье с одним родителем соответственно 13% российских и по 4% чешских и казахстанских студентов.

На момент опроса российские студенты проживали с родителями (37%), одни (25%) или с друзьями (22% — в общежитии или в съемной квартире); среди казахстанских студентов эти пропорции сместились в пользу проживающих с друзьями (46%) за счет проживающих с родителями (19%), а на третьем месте оказался вариант «с родителями и/или другими родственниками» (17%), что, вероятно, свидетельствует о большем распространении в казахстанском обществе и расширенных семей, и родственной поддержки (когда долговременный приют предоставляется даже дальним родственникам, что не свойственно российским жителям больших городов).

Большинство чешских студентов проживают с родителями (56%) (что не следует интерпретировать как свидетельство большей близости отношений в родительской семье — в такой маленькой стране, как Чехия, основная доля студен-

тов — жители Праги и пригородов, тогда как в Москве и Астане разброс регионов выезда студентов в столицу просто огромен), 12% — с партнером/партнершей, 12% — с супругом(-ой) и ребенком (детьми).

Ответы на вопрос «Вы состоите в браке?» в российской выборке распределились следующим образом: не состоят в отношениях 58%, пока не живут вместе, а просто встречаются 27%, живут в так называемом «гражданском браке» 10%, состоят в официальном браке 6%; в казахстанской выборке по 4% респондентов состоят в официальном или гражданском браке, не состоят в отношениях 73%, состоят 19%; в чешской выборке распределение ответов оказалось совершенно иным — просто встречается 43%, не состоят в отношениях 41%, живут в гражданском браке 15%, состоят в официальном браке менее 1%.

Конечно, интерпретировать эти данные сложно, но напрашивается следующий вывод: поступление в высшее учебное заведение в Чехии, видимо, рассматривается как наступление зрелости в полном смысле этого слова, поэтому существенно больше чешских студентов состоят в отношениях и в гражданском браке (но не в официальном браке, вступление в который в западных странах сегодня сдвигается к тридцатилетнему рубежу), тогда как в России и Казахстане студенты, вероятно, придерживаются характерного для их родителей представления, что получение высшего образования — не социальный маркер зрелости, а определенный жизненный проект на пути к ее достижению, и для максимально эффективного прохождения данного жизненного этапа следует сфокусироваться на учебе и будущей карьере, а не на любовных отношениях и уж тем более семейно-брачных обязанностях. Отчасти это подтверждает и распределение ответов на вопрос, когда студенты планируют официально оформить отношения: на первом месте во всех странах оказался вариант «когда стану финансово независим(а)» (Россия — 32%, Казахстан — 36%, Чехия — 34%), на втором — «пока еще не задумывался над этим» (27%, 21% и 31% соответственно), однако на третьем месте в российской и казахстанской выборках вариант «как только закончу вуз» (по 17%), т.е. один жизненный проект, прежде чем приступить к реализации следующего (создание семьи), тогда как у чешских студентов — вариант «никогда — не вижу необходимости официально оформлять наши отношения» (13%), т.е. вполне западный паттерн.

Относительно желаемого количества детей мнения респондентов трех стран несколько разошлись, и по распределению ответов российская молодежь оказалась ближе чешской, воспроизводя западный тренд на малодетность. Так, в Москве каждый пятый опрошенный пока не определился с желаемым количеством детей, каждый третий хотел бы иметь двух детей, 17% — трех; в Чехии более половины опрошенных ориентированы на двухдетную семью (55%) или однодетную (17%), а каждый десятый декларирует ориентацию на бездетность (11%) (в российском обществе данная ориентация жестко и открыто порицается). Казахстанская молодежь ориентирована на многодетность: 39% студентов хотят иметь трех детей, 29% — больше трех, хотя много здесь и пока не определившихся (16%), что, видимо, следует объяснять контекстом опроса — получение высшего образования

открывает перед девушками (речь о них, потому что рождение ребенка неизбежно выбивает женщину из рабочего графика) больше карьерных возможностей, чем лишь хранение домашнего очага, однако устойчивые традиционные представления о должном репродуктивном поведении женщины могут противоречить личным карьерным устремлениям.

В тяжелые моменты жизни студенты всех трех стран обращаются за помощью и поддержкой, прежде всего, к родителям — 79% чешских респондентов (19% — к близким родственникам), 67% казахстанских (24%), 61% российских (26%).

Здесь также следует быть осторожным в интерпретациях: большее количество обращающихся за помощью к родителям в чешской выборке вряд ли объясняется более высокой привязанностью и степенью доверия — скорее более зрелыми отношениями, тогда как в более «традиционных» российском и казахстанском обществах все еще срабатывает стереотип «лишь бы мама/папа не узнали», поэтому в случае возникновения проблем проще и безопаснее с точки зрения родительских санкций обращаться за помощью к близким родственникам, которые не только помогут, но и подготовят родителей к негативной информации о собственном чаде. Эту версию подтверждают доминирующие во всех трех странах позитивные оценки студентами своих взаимоотношений с родителями, хотя между выборками есть различия в преобладающих «оттенках» этих отношений: в Чехии и Казахстане лидирует характеристика «у нас полное взаимопонимание, мы очень хорошо ладим друг с другом» (хотя и с очень разными долями — 44% и 76% соответственно), на втором месте — «отношения теплые, дружеские» (41% и 22%); в России соотношение этих двух вариантов меняются — как теплые и дружеские свои отношения с родителями квалифицирует 47%, как полное взаимопонимание — 36%. Впрочем, примерно равные доли респондентов (почти каждый второй) во всех трех странах ориентированы воспитывать своих детей примерно так же, как воспитывали их.

Отвечая на вопрос «За кого, в первую очередь, Вы чувствуете свою ответственность?», респонденты выбирали преимущественно три варианта: «только за себя», «за свою семью и близких» и «за друзей», хотя соотношение этих ответов в каждой выборке имеет свои отличия. Так, ответственность только за себя лидирует в Чехии с большим отрывом (96%), далее идет ответственность за свою семью и близких (55%) и за друзей (21%), т.е. модель мировосприятия весьма эгоцентрична, с фокусом на ближайшем семейном круге. В Казахстане и России столь же безусловным лидером оказалась ответственность за свою семью и близких (86% и 76% соответственно), а за ними с огромным отрывом идет ответственность только за себя (30% и 39%) и за друзей (24% и 31%), т.е. жизненный мир казахстанской и российской молодежи сосредоточен не столько на себе, сколько на круге близких людей.

Позиции российской молодежи здесь вновь неоднозначны: с одной стороны, россияне столь же «традиционны», как их казахстанские сверстники, в плане ощущения ответственности за родных и близких; с другой стороны, они чаще говорят об отсутствии взаимопонимания с родителями — видят в этом острую проблему

лишь 3% казахстанских респондентов, но 18% российских (этот показатель превышает аналогичный в чешской выборке — 11%, что свидетельствует об амбивалентности российского молодежного самосознания).

Признание такого круга людей, как семья, близкие и друзья крайне важно для всех студентов — российских (50%), казахстанских (72%) и чешских (81%), за ним с серьезным отрывом следует «только собственная самооценка» (Россия — 15%, Казахстан — 21% и Чехия — 61%) и «широкий круг знакомых» (по 14% в России и Казахстане и 11% в Чехии).

Интерпретировать эти данные сложно, за исключением того, что студенческая молодежь трех стран рассматривает в качестве референтной группы лишь очень близкий круг людей, включая себя, а в Чехии самооценка по значимости равноценна признанию значимых других из ближайшего социального круга, тогда как в Казахстане и России более сильны традиционные представления, что внешнее признание важнее самооценки. Это подтверждает и распределение ответов на вопрос «Для Вас лично успех — это, прежде всего..?»: чешские студенты на первое место поставили не только семейное благополучие (58%), как их российские (53%) и казахстанские (63%) сверстники (все прочие варианты жизненного успеха следуют за семейным благополучием с большим отрывом), но и творческую самореализацию (60% против 42% в российской и 33% в казахстанской выборке), т.е. эгоцентричное мировосприятие в большей степени характерно для чешских студентов и соответствует стереотипному восприятию особенностей нынешнего западного общества, тогда как более традиционное российское и казахстанское общества все еще не мыслят идеальный жизненный путь как самореализацию. Соответственно, для большинства чешских студентов наиболее приемлема равноправная модель распределения ролей в семье, где оба супруга работают (68%), а не традиционная — когда мужчина обеспечивает семью, а женщина занимается домашним хозяйством (счел ее приемлемой лишь каждый десятый опрошенный).

По последнему пункту мы не можем охарактеризовать предпочтения российской и казахстанской студенческой молодежи по той простой причине, что соответствующий вопрос им не задавался, а в анкету чешского опроса был добавлен целый тематический блок, посвященный семье и браку. Если в Астане российский вариант анкет был подвергнут незначительным правкам — форматированию и сокращениями, то в чешский вариант анкеты были внесены и содержательные изменения, однако о подобной проблеме (несогласованной редакции опросного инструментария) в сравнительных исследованиях инициативного характера без серьезных финансовых вложений мы писали ранее [см.: 39; 50], и приходится работать с теми данными, что имеются в нашем распоряжении. Так, отвечая на вопрос «Насколько для Вас важны хорошие отношения в семье?», большинство чешских респондентов ответило, что «очень важны» (70%) или «скорее важны» (21%), т.е. семья с эмоциональной точки зрения для чешских студентов, несмотря на эгоцентричное мировосприятие, предельно важна. С утверждением, что «на первом месте для меня семья», выразили согласие 89% опрошенных, друзей назвал более важными, чем семью, каждый третий. С высказыванием «семья поддержива-

ет меня в наиболее важных решениях» выразили согласие 76% чешских студентов, и пожертвовать ради семьи карьерой в случае необходимости готовы 65%.

Значение семьи для российских и казахстанских студентов замерялось и негативно эмоционально нагруженными вопросами. Отвечая на вопрос «Задумываясь о своем будущем, чего Вы опасаетесь больше всего?», студенты называли, в первую очередь, потерю близких» (50% в Москве и 45% в Астане), а среди прочих страхов также преобладают связанные с семейной (в широком смысле слова) жизнью: «быть бездетным» (27% и 19% соответственно), «оказаться одиноким человеком» (24% и 19%), «неудачи в любви» (22% и 9%), «не выйти замуж/не жениться» (14% и 12%) и др.

Таким образом, как показывают даже небольшие по объему эмпирические данные (рассмотрены лишь несколько вопросов, а не результаты тематически сфокусированного опроса, разносторонне раскрывающего семейно-брачную проблематику), говорить о кризисе традиционных семейных ценностей и уж тем более о крахе семьи как социального института, якобы постепенно и неотвратимо прекращающего выполнять свои важнейшие функции, сегодня неверно. Действительно, семья претерпевает серьезнейшие трансформации, радикальность которых может иметь самый разный вектор (от архаизации в ряде регионов исламского мира до полного рационально мотивированного отказа от семьи и детей в развитых западных странах), однако опросы молодежи, получающей высшее образование в столицах трех государств (т.е. речь идет о когорте, прилагающей серьезные усилия для жизненного успеха), показали, что семья сохраняет для молодых поколений вполне традиционные смыслы и функции, порождая у респондентов готовность воспроизводить семейно-репродуктивные паттерны родителей. Семья сохраняет для молодежи свое приоритетное значение как главная жизненная ценность, о чем свидетельствуют и приведенные выше распределения ответов, и прямой вопрос, использованный, к сожалению, только в российской анкете, где респондентам было предложено расставить понятия-ценности по степени важности для себя лично на десятибалльной шкале (хотя респонденты часто превращают данную ранговую шкалу в оценочную, уравнивая по значимости сразу несколько понятий, с чем приходится мириться): на первое место по значимости в своей жизни семью поставили 62% опрошенных, на второе — 18%.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Акчурина А.* Эволюция представлений о семье в философии // Ватандаш. Общественно-политический, научно-популярный и художественный журнал. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=1647>.
- [2] *Аристотель.* Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1983.
- [3] *Артемченко В.В.* Роль семьи в формировании здоровья детей. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/33373495>.
- [4] *Багнетова Е.А.* Образ жизни родителей и поведенческие привычки старшеклассников // *Фундаментальные исследования.* 2011. № 2.
- [5] *Борисов В.В., Синельников А.Б.* Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1995.

- [6] Брак в России: вчера и сегодня. 02.04.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115214>.
- [7] Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Советская этнография. 1977. № 1.
- [8] Бурханова Ф.Б. Создание семьи: современные тенденции в Башкортостане // Вестник Института социологии. 2014. № 1.
- [9] Бурханова Ф.Б., Терелецкова Е.В. Гендерный фактор в разводах. Уфа, 2010.
- [10] Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. Т. II. М., 1971.
- [11] Винокур Б. «Расовая рознь идет ко дну». В США — настоящий бум межэтнических браков // Новые Известия. 21.11.2011.
- [12] Волков А.Г. Семья — объект демографии. М., 1986.
- [13] Всеобщая декларация прав человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
- [14] Гегель Г.В. Ф. Философия права. М., 1990.
- [15] Гидденс Э. Социология. М., 2005.
- [16] Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.
- [17] Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1991.
- [18] Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2.
- [19] Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
- [20] Гурко Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4.
- [21] Жениться позже, чтобы помогать друг другу по хозяйству. 15.09.2015. URL: http://romir.ru/studies/707_1442264400.
- [22] Зритнева Е.И. Социология семьи. М., 2006.
- [23] Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- [24] Кант И. Антропология // Сочинения. Т. 7. М., 1994.
- [25] Капустина А.А. Международное гуманитарное право. М., 2011.
- [26] Кесаева Р.Э. Взаимодействие семьи и медицины в современном обществе. URL: <http://medical-diss.com/medicina/vzaimodeystvie-semi-i-meditsiny-v-sovremennom-obschestve>.
- [27] Коренькова М.С. Семья как социально значимая ценность: теоретический аспект // Грани познания. 2014. № 7.
- [28] Королев Ю.А. Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10.
- [29] Костикова Е.В. Введение в гендерные исследования. М., 2005.
- [30] Митрофанова Е.С. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // Экономический журнал ВШЭ. 2011. № 4.
- [31] Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955.
- [32] Николаева Л.А., Рахманова М.С. Экономика домашнего хозяйства и окружающего социума. Владивосток, 2005.
- [33] Платон Сочинения. В 4 т. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2007.
- [34] Поллак Р. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // Thesis. 1994. № 6.
- [35] Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1961.
- [36] Солодников В.В. Семья: социологическая и социально-психологическая парадигмы // Прикладные исследования. 1994. № 6.
- [37] Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998.
- [38] Терехин А.Т., Будилова Е.В., Карпенко М.П. Глобальные тенденции изменения брачности населения // Народонаселение. 2005. № 3.
- [39] Троцук И.В., Савельева Е.А. Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4.
- [40] Фролов С.С. Учебник по общей социологии. Тверь, 2008.

- [41] *Холостова Е.И.* Семейноеведение. М., 2012.
- [42] *Хоменко И.А.* Семейная педагогика в учебной литературе: проблема отражения нового знания // Универсум. Вестник Герценовского университета. 2012. № 1.
- [43] Чем мы дорожим? О самом важном в жизни россиян. 18.07.2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10994>.
- [44] Что в жизни главное? Пресс-выпуск № 2770. 10.02.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115141>.
- [45] *Щепанский Р.А.* Понятие семейного права РФ. Общественные отношения, регулируемые семейным правом. URL: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=45547>.
- [46] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., 1986.
- [47] *Юм Д.* О многоженстве и разводах // Сочинения. Т. 2. М., 1965.
- [48] *Donini V.M.* Polygamy and family law. URL: <http://www.resetdoc.org/story/00000001317>.
- [49] *Hoffmeyer-Zlotnik J.H.P.* Harmonisation of demographic and socio-economic variables in cross-national survey research // Bulletin de Méthodologie Sociologique. 2008. Vol. 98. No 5.
- [50] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems // Vestnik RUDN. Serija "Sociologija". 2015. No 4.

“STATUS” OF FAMILY INSTITUTION IN THE CONTEMPORARY SOCIETY, AND FAMILY AND MARRIAGE VALUES OF THE YOUTH

I.V. Trotsuk, A.D. Paramonova

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

In recent years, in the scientific community and the media there are ongoing debates on how radically the structure, functions and role of the family change in the contemporary society. The positions are conflicting, and even irreconcilable — from quite idealistic family perception in the social-constructivist sense (as a result of agreement of people without any traditional links — biological or legal), which states the eternal nature of the family, as long as there are people and some forms of sociality, to extremely alarmist warnings about the crisis of the family in the present and its disappearance in the not too distant future due to the loss of its functions as a basic social institution. The authors acknowledge both types of arguments, but introduce a clarification: the most pessimistic estimates and forecasts of the future of the family are concentrated on the theoretical level of the studies of the family as primarily a social institution, while at the empirical level, when people answer relevant questions about their own family, the current social realities do not look too pessimistic and prove both ideas — of the transformation of family values and of the preservation of many traditional patterns. Such a conventional differentiation of theoretical and empirical levels in terms of emphases in the sociological study of the family is presented in the article: first, the authors refer to the main trajectories of conceptual searches on family issues in historical and evaluative approaches; then present the results of the surveys among students of universities in the capitals of Russia, Kazakhstan and the Czech Republic. The data confirms, on the one hand, the reproduction in the youth worldview of quite traditional ideas about the proper and important in a person's life (family is an absolute priority); on the other hand, the ambivalence of Russian youth consciousness, which combines quite easily patriarchal and self-centered Western values.

Key words: family; marriage; value orientations; the youth; students; comparative studies (Russia, Kazakhstan, the Czech Republic); conceptual approaches; empirical research

REFERENCES

- [1] *Akchurina A.* Evoljucija predstavlenij o sem'e v filosofii [Evolution of concepts of family in philosophy]. *Vatandash. Obshhestvenno-politicheskij, nauchno-populjarnyj i hudozhestvennyj zhurnal*. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=1647>.
- [2] *Aristotle.* Sochinenija [Works]: V 4 t. T. 4. M., 1983.
- [3] *Artemenko V.V.* Rol' sem'i v formirovanii zdorov'ja detej [The role of the family in determining children's state of health]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/33373495>.
- [4] *Bagnetova E.A.* Obraz zhizni roditel'ej i povedencheskie privychki starsheklassnikov [Lifestyle and behavioral habits of senior pupils' parents]. *Fundamental'nye issledovanija*. 2011. No 2.
- [5] *Borisov V.V., Sinel'nikov A.B.* Brachnost' i rozhdanost' v Rossii: demograficheskij analiz [Marriages and Births in Russia: Demographic Analysis]. M., 1995.
- [6] Brak v Rossii: vchera i segodnja [Marriages in Russia: Past and present]. 02.04.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115214>.
- [7] *Bromley Ju.V.* K voprosu ob osobennost'jah etnograficheskogo izuchenija sovremennosti [On the features of the contemporary ethnographic study]. *Sovetskaja etnografija*. 1977. No 1.
- [8] *Burhanova F.B.* Sozdanie sem'i: sovremennye tendencii v Bashkortostane [Creating a family: Current trends in Bashkortostan]. *Vestnik Instituta sociologii*. 2014. No 1.
- [9] *Burhanova F.B., Tereletszkova E.V.* Gendernyj faktor v razvodah [Gender Factor of Divorces]. Ufa, 2010.
- [10] *Bacon F.* Sochinenija [Works]. V 2 t. T. II. M., 1971.
- [11] *Vinokur B.* «Rasovaja rozn' idet ko dnu». V SSHA — nastojashhij bum mezhetnicheskikh brakov [“Racial hatred is sinking”. In the US there is a real boom of inter-ethnic marriages]. *Novye Izvestija*. 21.11.2011.
- [12] *Volkov A.G.* Sem'ja — ob'ekt demografii [Family as an Object of Demography]. M., 1986.
- [13] Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka [The Universal Declaration of Human Rights]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
- [14] *Hegel G.W.F.* Filosofija prava [Philosophy of Law]. M., 1990.
- [15] *Giddens A.* Sociologija [Sociology]. M., 2005.
- [16] *Giddens A.* Transformacija intimnosti. Seksual'nost', ljubov' i erotizm v sovremennyh obshhestvakh [The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies]. SPb., 2004.
- [17] *Hobbes T.* Sochinenija [Works]. V 2 t. T. 2. M., 1991.
- [18] *Golod S.I.* Perspektivy monogamnoj sem'i: sravnitel'nyj mezhkul'turnyj analiz [Monogamous family prospects: Comparative cross-cultural analysis]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2003. Vol. VI. No 2.
- [19] *Golod S.I.* Sem'ja i brak: istoriko-sociologicheskij analiz [Family and Marriage: Historical and Sociological Study]. SPb., 1998.
- [20] *Gurko T.A.* Institut sem'i v postindustrial'nyh obshhestvakh [Family institution in postindustrial societies]. *Tsennosti i smysly*. 2011. No 4.
- [21] Zhenit'sja pozzhe, chtoby pomogat' drug drugu po hozjajstvu. 15.09.2015 [Marry later to help each other with the housework]. URL: http://romir.ru/studies/707_1442264400.
- [22] *Zritneva E.I.* Sociologija sem'i [Sociology of Family]. M., 2006.
- [23] *Il'ichev L.F., Fedoseev P.N.* Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. M., 1983.
- [24] *Kant I.* Antropologija [Anthropology]. Sochinenija. T. 7. M., 1994.
- [25] *Kapustina A.Ja.* Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo [International Humanitarian Law]. M., 2011.
- [26] *Kesaeva R.Ee.* Vzaimodejstvie sem'i i mediciny v sovremennom obshhestve [Interaction of family and medicine in the contemporary society]. URL: <http://medical-diss.com/medicina/vzaimodejstvie-semi-i-meditiny-v-sovremennom-obschestve>.

- [27] *Koren'kova M.S.* Sem'ja kak social'no znachimaja tsennost': teoreticheskij aspekt [Family as a socially significant value: Theoretical aspect]. *Grani poznaniya*. 2014. No 7.
- [28] *Korolev Ju.A.* Sem'ja kak sub'ekt prava [Family as a subject of law]. *Zhurnal rossijskogo prava*. 2000. No 10.
- [29] *Kostikova E.V.* Vvedenie v gendernye issledovanija [Introduction to Gender Studies]. M., 2005.
- [30] *Mitrofanova E.S.* Demograficheskoe povedenie pokolenij rossijan v sfere sem'i i rozhdaemosti [Demographic behavior of Russian generations in the field of family and fertility]. *Ekonomicheskij zhurnal VShJe*. 2011. No 4.
- [31] *Montesquieu Ch.L.* Izbrannye proizvedenija [Selected Works]. M., 1955.
- [32] *Nikolaeva L.A., Rahmanova M.S.* Ekonomika domashnego hozjajstva i okružhajushhego sociuma [Economy of the Household and the Surrounding Society]. Vladivostok, 2005.
- [33] *Plato.* Sochinenija [Works]. V 4 t. T. 3. Ch. 1. SPb., 2007.
- [34] *Pollak R.* Transakcionnyj podhod k izucheniju sem'i i domashnego hozjajstva [A Transactional Cost Approach to Families and Households]. Thesis. 1994. No 6.
- [35] *Rousseau J.-J.* Emile, ili O vospitanii [Emile, or Concerning education]. Izbrannye sochinenija. T. 1. M., 1961.
- [36] *Solodnikov V.V.* Sem'ja: sociologicheskaja i social'no-psihologicheskaja paradigmy [Family: Sociological and social-psychological paradigms]. *Prikladnye issledovanija*. 1994. No 6.
- [37] *Sociologija v Rossii [Sociology in Russia] / Pod red. V.A. Jadova.* M., 1998.
- [38] *Terehin A.T., Budilova E.V., Karpenko M.P.* Global'nye tendencii izmenenija brachnosti naselenija [Global trends in population marriage]. *Narodonaselenie*. 2005. No 3.
- [39] *Trotsuk I.V., Savel'eva E.A.* Sravnitel'nye issledovanija cennostnyh orientacij: vozmožnosti, ogranichenija, logika razvitija [Comparative studies of value orientations: Potential, limitations, and the logic of development]. *Vestnik RUDN. Serija «Sociologija»*. 2015. No 4.
- [40] *Frolov S.S.* Uchebnik po obshhej sociologii [Textbook of General Sociology]. Tver', 2008.
- [41] *Holostova E.I.* Sem'vedenie [Family Studies]. M., 2012.
- [42] *Homenko I.A.* Semejnaja pedagogika v uchebnoj literature: problema otrazhenija novogo znaniya [Family pedagogy in the academic literature: On the reflection of new knowledge]. *Universum. Vestnik Gercenovskogo universiteta*. 2012. No 1.
- [43] Chem my dorozhim? O samom vazhnom v zhizni rossijan [What do we value? About the most important things in the lives of Russians]. 18.07.2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10994>.
- [44] Chto v zhizni glavnoe [What is most important in one's life]? Press-vypusk No 2770. 10.02.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115141>.
- [45] *Schepansky R.A.* Ponjatie semejnogo prava RF. Obshhestvennye otnoshenija, reguli-ruemye semejnym pravom [The concept of family law in the Russian Federation. Public relations regulated by the family law]. URL: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=45547>.
- [46] *Engels F.* Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. Marks K., Engels F. Izbrannye proizvedenija. V 3 t. T. 3. M., 1986.
- [47] *Hume D.* O mnogozhenstve i razvodah [On polygamy and divorces] // Sochinenija. T. 2. M., 1965.